

стаетъ его страстную, жаждущую истины натуру та или другая стадія этого развитія. Въ этомъ онъ сойдется развѣ съ однимъ только Бѣлинскимъ, но этимъ же онъ вредилъ столько же себѣ, сколько и своему ученію, такъ какъ при такихъ условіяхъ открывается самое широкое поле для самыхъ вопіющихъ противорѣчій, и хотя, напр., тотъ же Бѣлинскій и говорилъ, что онъ «мѣняетъ свои убѣжденія какъ мѣняютъ копейку на рубль», но онъ же самый лучшій даль примѣръ, какъ опасно и какими позднѣйшими нравственными муками сопровождается печатное служеніе различнымъ богамъ и кумирамъ: дѣло въ томъ, что печатныя противорѣчія эти, олицетворяя лишь тѣ зигзаги, которыми шло собственное развитіе автора, не мѣшаютъ въ то же время усвоить ихъ публикѣ: безъ царя въ головѣ, слѣпо и рабски послушная своему кумиру, масса такъ же слѣпо, безъ критики, готова усвоить всякую крайность, всякую «истину», или подобіе ея, отъ которыхъ самый же кумиръ ея завтра откажется,—переварить всякія противорѣчія, лишь бы можно было оправдаться тѣмъ, что *magister ipse dixit*..

Отъ этой привычки «объективированія»—такая масса у гр. Толстого «наивностей» и открываній Америкъ, которыя могутъ показаться «новостью» для него самого, да развѣ для того свѣтскаго, испорченнаго круга, къ которому онъ еще не такъ давно принадлежалъ... Отъ этого же самая крайность требованій его «ученія», неумѣнье или нежеланіе держаться доступной большинству *середины* въ требованіяхъ предлагаемаго идеала, вѣчно, къ тому же, растущаго для него самого. Онъ открываетъ *всю* истину и предлагаетъ всѣмъ жить сообразно съ нею. Но если въ сферѣ отдѣльнаго индивидуума, т. е. его же самого, гр. Толстого, нужны были десятки лѣтъ упорной умственной и нравственной работы надъ собою, дабы добиться практическаго улучшенія